

Наталия Антонова

Горечь и сладость

ЛЮБВИ

Наталия Николаевна Антонова

Горечь и сладость любви

Серия «Уютно о любви»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67798877

Горечь и сладость любви:

ISBN 978-5-04-170861-0

Аннотация

Наталия Антонова представляет сентиментальный роман «Горечь и сладость любви»!

В нем, как и в серии «Уютный детектив», много света и тепла, а также рассказывается летняя история любви.

Симпатичная и умная Вера имеет заботливых родителей, верную подругу, любимую, хорошо оплачиваемую работу. Но Вере тридцать лет, и пора бы замуж. Неожиданно в Веру влюбляется ее шеф и делает ей предложение! Казалось бы, Вера должна была обрадоваться, однако Вера пребывает в растерянности, ведь в ее душе ничего не отозвалось. Зато когда Вера случайно встретила уличного художника Эдуарда, внутри вспыхнуло пламя...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	56
Глава 6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Наталия Антонова

Горечь и сладость любви

*Действующие лица и события романа
вымышлены, и сходство их с реальными лицами и
событиями абсолютно случайно.*

Глава 1

Лето так плавно перетекло в осень, что далеко не все это сразу заметили. Было тепло, светило ласковое солнце и всеми цветами радуги переливались на клумбах и газонах цветы. Как ни в чём не бывало били фонтаны, в чашах которых купались, лениво переваливаясь с боку на бок, ничего и никого не боявшиеся городские голуби.

В зелёной листве деревьев, только приглядевшись, можно было кое-где заметить пару-тройку пожелтевших листочков.

Но на душе Веры царила грусть. Пусть и лёгкая, можно даже сказать, светлая, но всё-таки грусть.

И грустила она вовсе не потому, что наступила осень. А потому, что наступила она незаметно. Вроде бы только совсем недавно всё вокруг изнывало от жары. Прилавки на рынке ломились от ягод и фруктов. Хотя Вере покупать их не приходилось, всё это в изобилии росло на родительской

даче.

Вот только Вера бывала там нечасто. В будни работа в офисе, по вечерам посиделки с подругой или приятельницами в кафе на набережной. В выходные всем коллективом выезжали на природу. Фирма у них была небольшая, но дружная.

А август месяц Вера провела на море со своим шефом Андреем Ивановичем Даниловым, для Веры в нерабочее время он был просто Андреем. За границу не полетели по объективным причинам, возникшим в этом году. Хотя Вера давно мечтала побывать на Средиземном море и даже намекала на это Андрею. Правда, открытым текстом свои пожелания не высказывала, понимая, что время для этого ещё не настало. Андрей предложил Вере на выбор несколько черноморских городов, и она выбрала Сочи. И не пожалела об этом. Чёрное море тоже было великолепным. К тому же погода стояла не слишком жаркая и не прохладная, одним словом, комфортная, точно кто-то заведующий небесной канцелярией решил преподнести им подарок.

Поселились они в роскошном отеле, Андрей постарался и не пожалел денег. Каждое утро они отправлялись на пляж, днём совершали экскурсии, набеги на музеи и другие интересные места. А по вечерам Андрей водил её в рестораны. Ей особенно нравился тот, в котором звучала живая джазовая музыка. И в зале явственно пахло морем и кипарисами. Вере хотелось думать, что эти ароматы заносит в приоткрытые ок-

на ветер. Хотя рациональный рассудок насмешливо нашёптывал, что это были, скорее всего, обыкновенные ароматизаторы воздуха. Но Вера отмахивалась от язвительных нашёптываний внутреннего голоса. Ведь девушке так хочется романтики! Хотя бы здесь, на морском берегу...

К тому же и кипарисовая аллея, и море были совсем близко.

Именно в этом ресторане Андрей сделал ей предложение. «Наконец-то!» – пронеслось в мозгу у Веры, но сердце почему-то ёкнуло и испуганно сжалось.

Вера долго рассматривала подаренное ей Андреем далеко не дешёвое кольцо, при искусственном освещении оно переливалось всеми цветами радуги и точно шептало девушке – возьми меня! Возьми! Вера вертела его на пальце и так и сяк, глаза её горели от восторга не менее ярко, чем бриллианты в кольце, но потом она сняла его с пальца, положила обратно в коробочку. Однако, увидев, как помрачнел Андрей, чмокнула его в щёку и быстро проговорила:

– Я же не отказываюсь, только прошу подождать, – её глаза умоляюще смотрели на него.

– Долго? – уныло спросил Данилов.

– Наверное, нет, – отозвалась она так тихо, что он едва расслышал её слова. А потом добавила уже громче: – Просто мне нужно подумать, взвесить все «за» и «против». Ведь замужество – это очень серьёзный шаг, – голос Веры зазвучал почти торжественно. И в этот миг она невольно прочитала в

погрустневших его глазах: «А что, о любви речь не идёт?»

Вере стало совестно. Но так как вопрос Андрей задал ей безмолвно, то Вера сочла себя вправе не отвечать на него. Она просто опустила голову и вздохнула. В глубине души Вера не верила, что можно влюбиться, если тебе уже за тридцать. Какие, спрашивается, могут разгореться страсти в сердце, которое уже было не раз разочаровано в своих надеждах. Нет, конечно, Вера была начитанной девушкой и знала мнение классика о том, что «любви все возрасты покорны». Но ведь это сказал поэт. Пусть даже очень великий. Но всё равно поэт. А поэт, как известно, в карман за словом не полезет. Слово для него – строительный материал, как для каменщика кирпич, для кузнеца металл, а для гончара глина.

После этого памятного вечера они провели в Сочи ещё пять дней. Но в этот ресторан Андрей больше не пригласил её ни разу. Да Вера и сама не хотела в него пока возвращаться.

В последний день, купаясь в море, она неожиданно для себя нос к носу столкнулась со случайно подплывшим близко к берегу дельфином. Поначалу она даже испугалась. Но потом вспомнила, что «дельфины добрые», и даже рискнула дотронуться рукой до его влажной кожи. Она оказалась такой приятной на ощупь, что девушка подумала: «Как жаль, что дельфинов нельзя держать дома, как котов. Ведь им любой бассейн будет мал».

Дельфин тем временем махнул хвостом и был таков. Вера

же почему-то решила, что встреча с дельфином предвещает что-то яркое, необычное. Что именно, она даже не догадывалась, но на берег она вышла в приподнятом настроении, и радость предвкушения чего-то неординарного не покидала её всё время, пока они не сели в самолёт и не поднялись с аэродрома.

И лишь по прилёте в родной город Вера поняла, что праздник, скорее всего, остался в Сочи. А дома ей придётся окунуться в будни и решать реальные вопросы. Например, что ей ответить Андрею. Ведь не может же он ждать её ответа вечно.

Из аэропорта Андрей сначала довёз до дома Веру, потом уже отправился к себе. Подниматься к Вере он не стал. Оба устали и хотели побыть наедине с собой.

Вера снимала небольшую, но уютную квартирку в девятиэтажном доме, построенном ещё в конце прошлого века. Ей очень хотелось иметь свою собственную квартиру, но денег на новую жилплощадь она пока не скопила, а влезать в ипотеку побаивалась. Да и родители не советовали.

Она спокойно могла бы жить в квартире родителей, тем более что там у неё была своя большая комната с качественной мебелью, шкафом, полным её любимых книг, и фиалками, которые поливала мама, а в её отсутствие соседка баба Нюра.

Зная, что Вера не любит, чтобы кто-то заходит в её комнату, даже если она там не живёт, мама на дачный период

выносила все фиалки в зал, где о них и заботилась соседка.

Может быть, одной из причин того, что Вера не торопилась вкладываться в покупку жилья, было то, что она отлично знала, что когда-нибудь родительская квартира станет её собственностью.

Вернувшись с моря, Вера, даже не распаковывая, бросила чемодан на съёмной квартире, приняла душ, съела пачку печений, завалившихся в шкаф, запила их наскоро заваренным из пакетика чаем и сразу же поехала на дачу к родителям.

Нет, вовсе не для того, чтобы попросить совета у матери или хотя бы рассказать ей о том, что к ней наконец-то посватался достойный претендент на её руку.

С точки зрения родителей, Андрей Иванович Данилов, несомненно, был достойным претендентом. А как же иначе! Глава собственной успешной, хоть и небольшой, фирмы, развитие которой, по всему видно, набирает обороты.

Не важно, что Андрею Ивановичу уже тридцать девять лет. Ведь и Вера уже давно не девочка. Как ни крути, тридцать лет – не юная дева. Намечающаяся лысина Данилова родителей тоже не смутит, как и рыхловатая фигура. Разве что отец Веры Матвей Семёнович пропишет будущему зятю дачетерапию. Евдокимов был уверен, что именно работа на даче помогает ему не набирать лишний вес и сохранять хорошее здоровье. Татьяна Васильевна в этом конкретном случае охотно согласилась бы с мужем.

То, что Андрей ни разу не был женат, родителями Веры зачтётся ему в плюс – алименты брошенным детям платить не надо.

Саму Веру смущали и лысина шефа, и полнота, и то, что он до сих пор оставался холостяком.

Она как-то раз попыталась выпросить его о бывших пассиях, но Андрей Иванович только мялся и потел. Вот Вера и подумала, что никаких прежних пассий в жизни шефа не было. В чём охотно признавался Данилов, так это в том, что практически всю свою жизнь учился, и притом на отлично. Посудите сами, школа с золотой медалью, вуз с красным дипломом, стажировка сначала в столице, потом за рубежом и, наконец, создание своей собственной фирмы.

Из близких людей у Андрея Ивановича была только мама. Но её уже несколько лет как нет на белом свете. Был он поздним ребёнком, родился, когда матери уже было далеко за сорок, вернее, почти пятьдесят. Отца своего Данилов не знал. Мама говорила ему, что забеременела совершенно случайно от капитана корабля. Помните, есть такая народная песня «Однажды морем я плыла...».

Короче: «А капитан приветлив был. В каюту пригласил». А через девять месяцев, как следствие, родился сын. Мама Данилова была в то время на берегу, а где был капитан и был ли он вообще, неизвестно. Зато мама работала на хорошей партийной должности и сумела создать сыну все условия для комфортной жизни и получения хорошего образования.

Других родственников у Данилова не было. Да и друзьями он не обзавёлся. Хотя круг нужных людей и даже добрых приятелей у него был довольно широк.

На Веру Андрей Иванович положил глаз чуть ли не с первого дня её работы в фирме. Сначала он, наверное, обратил внимание на деловые качества новой сотрудницы, а они были у Веры выше всех похвал, и к своей работе бухгалтера она относилась с полной ответственностью и, как это ни странно, любила её всей душой. По крайней мере, на работу она каждое утро отправлялась в хорошем настроении. Так что в отношении выбора профессии у Веры всё сложилось удачно, а исходя из того, что на работе мы проводим треть своей жизни, а некоторые и значительно больше, в этом ей повезло.

Если что-то и печалило Веру, то только её никак не складывающаяся личная жизнь, вернее, отсутствие женихов. Просто парни у неё были, и на свидания она регулярно ходила, время от времени завязывались какие-никакие отношения, но их тоненькая ниточка обрывалась после нескольких ничего не значащих встреч.

Была у Веры школьная подруга Клава Лаптева, правда, теперь она Клавдия Сергеевна, так как сама стала учительницей младших классов. В своей мелюзге она души не чаяла и отдавала детям, доверенным ей, всю свою нерастратченную любовь и заботу. Клава давно разуверилась в своей женской привлекательности. Она даже отбросила всякую мысль о том, что может кому-то понравиться.

– Верка, ладно, я курносая, круглолицая, не фигуристая, волосы, как мышинный хвостик, в очках, понятно, что если даже парни случайно на меня один раз глянут, то второй раз уже не захотят. Но у тебя не должно быть отбоя от женихов, ты и симпатичная, и фигуристая, у тебя и глаза, и волосы – просто чудо. И не дура! Не пойму я, чего мужикам надо, – вздыхала подруга сокрушённо.

– Может быть, всё дело в том, что не дура, – грустно отшучивалась Вера.

Верина мама Татьяна Васильевна Евдокимова считала, что всё дело в месте работы дочери.

– Кто там тебя в твоей бухгалтерии увидит, – говорила она дочери не раз, – одни женщины вокруг крутятся.

Вера и на самом деле до недавнего времени работала в организации, где в основном трудились женщины.

Но ведь она ходила в театры, на выставки, в кафе.

На что та же мама говорила ей, что на все культурные мероприятия также ходят в основном женщины, либо одни, либо с подругами. А если там и появляются мужчины, но только с жёнами и любовницами. Так что дочери и там ничего не светит.

– Да и в кафе мужики со своим самоваром таскаются, – добавляла мама.

Поэтому в первый же день работы Веры на новом месте Татьяна Васильевна спросила, водятся ли там холостые мужчины.

– Этого я пока не знаю, – ответила дочь.

– Так узнай!

– Мама! Не могу же я спрашивать их всех, женаты они или холосты.

– На руки смотри, есть обручальное кольцо или нет.

– Сейчас многие мужчины обручальных колец не носят.

– Это они их на курортах не носят, – не соглашалась мать, – а на работу как миленькие надевают, соблюдают дресс-код уважаемых мужчин, – со знанием дела ответила мать.

Вера даже зауважала её невольно, ведь она не имела ни малейшего понятия о столь глубоких познаниях матерью офисной жизни.

Поймав первый заинтересованный взгляд Андрея Ивановича, девушка не придавала ему особого значения, ну посмотрел, что тут такого, на то у него и глаза есть.

Дальше больше, Данилов стал уделять ей значительно больше рабочего времени, чем другим сотрудникам, оказывать знаки внимания, правда, делал он это ненавязчиво, даже застенчиво. И из-за этого его особое отношение к девушке стало бросаться в глаза другим сотрудникам. Некоторые из них даже стали делать ей намёки, многозначительно кивая на шефа. Но Вера только отмахивалась. Он же ей ничего такого не говорил! Зато начальник отдела рекламы кому-то шепнул за её спиной: «Новая бухгалтерша у нас толстокожая, как слониха». В ответ раздался тихий девичий смешок.

Вера подумала: «Обидеться на них, что ли?» Но потом только махнула рукой, и всё пошло по-прежнему или почти по-прежнему.

Вера устроилась на работу в начале зимы, и холодные месяцы прошли как-то незаметно. Наступила весна, засверкали зеркальными отсветами лучей осколки луж на тротуарах, лица прохожих избавились от зимней хмурости, многие улыбались, глядя на расцветшие прямо на обочинах дорог жёлтые цветы мать-и-мачехи.

Когда же Вера поняла, что шеф ухаживает за ней с серьёзными намерениями, она даже растерялась от неожиданности. И только потом стала думать о том, нравится ей этот человек или нет.

Конечно, в нём была уйма положительных качеств, да и перспективы на будущее вырисовывались солидные.

Только казался ей Андрей Иванович слишком скучным, каким-то пресным. Однако страх остаться одной подсказывал ей, что отталкивать Данилова нельзя. Да и подруга Клава твердила ей, что такими женихами, как Данилов, не разбрасываются.

Матери Вера до сих пор ничего о внимании к ней шефа не говорила. Во-первых, ещё было неизвестно, сделает Андрей ей предложение или нет. А во-вторых, не хотелось выслушивать очередную лекцию о том, как привязать к себе мужчину.

Вере после этих слов Татьяны Васильевны всякий раз хо-

телось сказать матери, что мужчина не собака и не козёл, чтобы его куда-то привязывать. Но вслух своего недовольства девушка ни разу не высказала, так как понимала, что мать хочет сделать для неё как лучше.

Однако всем известно «Хотели как лучше, а вышло, как всегда» или более древнее «Благими намерениями...» и далее по тексту.

Но вот наконец Андрей набрался смелости и сделал ей предложение. А она вместо того чтобы испытать бурную радость, перепугалась не на шутку и попросила у Андрея отсрочки. Как будто это может что-нибудь изменить в её отношении к Данилову. Ей давно уже было ясно, что она не любит его как мужчину, хотя уважает и ценит как умного руководителя и порядочного человека. Но жить ведь ей ни с его умом и талантами, а с телом и где-то характером.

И вот теперь, сидя на крыльце родительской дачи, Вера ела сочное яблоко, смотрела в сад и ума не могла приложить, что же ей делать.

Исподволь закрадывалась мысль, что если она отвергнет Андрея, то и с работы ей, наверное, придётся увольняться. А где ещё она найдёт такую комфортную и хорошо оплачиваемую...

А если мало зарабатывать, то нечем станет платить за съёмную квартиру и придётся переехать жить к родителям. А Вере ой как этого не хотелось!

Да и перспективное замужество, что сейчас само плывёт

ей в руки, будет утеряно навсегда. И навряд ли на её горизонте появится ещё один состоятельный человек, который захочет на ней жениться.

Клава вон любит рассказывать к месту и не к месту анекдот, что все девушки ждут принца на белом коне, а приезжает пьяный король на трамвае. Да и какой он король...

«Бедная Вера», – шепнула рябина, растущая возле крыльца, и провела влажной веткой по щеке девушки.

Рябине к дубу не перебраться, подумала Вера, это хорошо, что от ветра дом загораживает. А ей, Вере, что мешает перебраться к мужчине, который в ней души не чает? Только её глупое сердце...

* * *

Вечерело...

Андрей сам не знал, зачем он на ночь глядя отправился в парк и теперь в полном одиночестве сидел на скамейке и смотрел, как сквозь тёмные тополиные листья сочилась изумительная голубизна осеннего неба. И на сердце его была такая печаль, хоть плачь.

Почти всю свою жизнь Андрей посвятил учёбе и карьере. Этому его с раннего детства учила мать.

На личную жизнь времени не оставалось, но он думал: «Какие мои годы, ещё успею». Его мать, наверное, говорила точно так же, и в результате запрыгнула на ходу в последний

вагон уходящего поезда и получила от судьбы пусть не полноценную семью, но хотя бы сына. А у него даже так не получится. Пока Андрею не было тридцати, он отвечал всем сующим нос в его личную жизнь: «Нахожусь в активном поиске». Когда же он перешагнул тридцатилетний рубеж, то просто перестал отвечать на бестактные вопросы, да и желающих задать их с каждым днём становилось меньше. Объяснялось это просто: Андрей к этому времени поднялся на ту ступень, на которой равных было немного, и никто из них не был с ним в приятельских отношениях. А партнёры задают совсем другие вопросы. Так что Андрей расслабился и полностью погрузился в производственные дела, которые всегда интересовали его и давали ему стимул двигаться дальше. И вдруг Вера! И откуда она только свалилась на его голову!

На самом деле понятно, откуда – с биржи труда, ведь именно оттуда девушку направили в отдел кадров его фирмы.

Так что небеса тут ни при чём. Хотя Андрею, в общем-то не склонному к романтизму, часто казалось, что Вера явилась к нему всё-таки по воле небес.

Андрей поёжился, стало уже довольно прохладно. И чего, спрашивается, он сидит тут и кукует в одиночестве?

Всё из-за неё! Из-за Веры! Он влюбился в неё, как зелёный юнец, и рассчитывал на взаимность. Ведь она тоже не девочка. Он знал, что Вере исполнилось тридцать лет. И это его вполне устраивало. Данилов даже в страшном сне не ду-

мал жениться на длинноногой пышногрудой девице с губами в пол-лица. Ему хотелось видеть рядом с собой милую умную женщину, разделяющую его взгляды на жизнь.

Правда, когда он увидел Веру, то весь его годами складывающийся идеал разлетелся в пух и прах! Он понял, что влюбился.

Его долгие неуклюжие ухаживания за Верой, наверное, веселили всю фирму, хотя, естественно, вида никто не подавал. И вот он, краснея и бледнея, предложил ей поехать с ним отдохнуть на море. И она, к его неописуемой радости, согласилась. Выбор, куда именно ехать, он предоставил Вере. Она выбрала Сочи. Поначалу всё складывалось замечательно! Правда, жили они в разных номерах, и Андрей не решался переступить черту. Ему казалось, что первые две-три ночи Вера ждала, что он постучит в её номер. И в то же время каким-то шестым чувством Андрей чувствовал, что она не хочет этого. И он оправдывал её, внушая себе мысли о том, что Вера девушка немного старомодная, как, впрочем, и он сам. И их первая ночь должна произойти после свадьбы. А не так, как сейчас у некоторых. Андрей на миг представил беременную Веру в фате и белом платье и ужаснулся.

«Нет, у нас всё должно произойти так, как положено», — думал он. И вот, набравшись смелости, он сделал Вере предложение и подарил ей кольцо, которое предусмотрительно взял с собой.

В первое мгновение Вера обомлела, он видел, как засвер-

кали её глаза! Но потом что-то пошло не так...

Вера не отказала ему, но попросила время на обдумывание. Он сразу понял, что это не каприз, не попытка набить себе цену. Просто Вера... Вера не любит его.

И, к своему собственному изумлению, он понял, что согласен на то, что Вера выйдет за него замуж без любви. Лишь бы вышла, им на двоих хватит одной его любви. Он будет холить и лелеять её всю жизнь и, чего бы это ему ни стоило, сделает её счастливой.

Глава 2

Вера слышала, как сорвалось с ветки яблоко и мягко шлёпнулось о землю. «Вот, сидела бы я под яблоней, – думала Вера, – яблоко бы упало мне на голову и посетило бы меня озарение. Хотя нет, – оборвала она сама себя, – я ведь не Ньютон!»

– Вера! – донёсся до девушки голос матери с террасы. – Уже поздно, иди домой, а то насидишься на холодном крыльце, застудишь придатки, и я внуков не дождусь.

«А если я их не застужу, – уныло подумала Вера, – то можно подумать, ты их дождёшься», но спорить с матерью не стала и пошла в дом. Они вдвоём попили чаю на тёплой террасе, отец уже спал. Он завтра ни свет ни заря собирался на рыбалку.

Мать расспрашивала Веру о море, о городе. Сама она была в Сочи ещё при советской власти, более тридцати лет назад, и хранила в своей памяти светлые воспоминания, как хранят привезённые с моря камушки и ракушки.

Вера пожимала плечами, отшучивалась – город как город, море как море. Ну что ты, мама, право, как маленькая.

Татьяна Васильевна решилась и спросила:

– А как у тебя с ним?

– Пока никак, – поскучилась Вера и отвела взгляд.

– Чего же это он тянет-то? – забеспокоилась мать. – Ты

смотри Вера, осторожнее.

– А то поматросит и бросит, – передразнила дочь.

– А что, он начальник! – воскликнула Татьяна Васильевна и тут же, прикрыв рот ладонью, оглянулась в сторону комнат, опасаясь, как бы не разбудить мужа.

– Мама, ну что ты, – укоризненно проговорила Вера, – мы же с Андреем уже не дети.

– Ну и что с того! – снова забывшись, повысила голос Татьяна Васильевна. – Ты девушка неиспорченная, чистая. Таких, как ты, в наше время днём с огнём не сыщешь!

– Мама, не говори глупости, – отмахнулась Вера, почему-то невольно представив бродящего в поисках настоящего человека днём с фонарём Диогена, и зевнула, делая вид, что хочет спать. Пожелав матери спокойной ночи, она ушла в свою комнатку с окном, выходящим в сад.

Но спать Вере вовсе не хотелось. Она ворочалась с боку на бок. За окном светила луна и заговорщически перемигивались звёзды, делая вид, что они прекрасно осведомлены о проблемах Веры, которые не дают ей заснуть. Девушка встала, прошлёпала босыми ногами к окну и наглухо занавесила окно плотной шторой. Но лучше от этого не стало, и сон так и не пришёл. Она услышала, как проснулся отец и стал собираться, вот, наконец, за ним захлопнулась дверь, и тогда встала Вера. Она умылась и тихонечко на цыпочках прокрадлась на кухню, стараясь не разбудить мать. Но та спала так чутко, что просыпалась от малейшего шороха. Теперь же она

и вовсе, должно быть, ещё не успела заснуть, разбуженная вознёй мужа. Поэтому, накинув халат, она вышла на кухню и сердито спросила Веру:

– Доча, ты чего в такую рань поднялась?

– Хочу успеть на первую электричку, – отозвалась Вера нехотя.

– На какую такую электричку? – не поняла мать. – Зачем? Сегодня же суббота! Я думала, что ты уедешь от нас только завтра вечером.

– Вот именно что суббота, – машинально проговорила Вера, – я столько времени отсутствовала, что у меня от беспокойства душа не на месте.

– Какого ещё беспокойства? – брови Татьяны Васильевны взлетели вверх.

– Да о делах фирмы, мама! Я же тебе говорила, что месяц назад, после того как Софья Макаровна ушла на пенсию, меня назначили главным бухгалтером.

О том, что дочь назначили главным бухгалтером, Татьяна Васильевна прекрасно помнила, но она не могла понять того, зачем так надрываться на работе, тем более если собираешься выйти замуж за начальника.

– Мама, я и так по сравнению с Софьей Макаровной мало времени провожу на работе, – пыталась втолковать матери Вера.

– Твоей Макаровне просто дома делать было нечего, – ворчала мать, – это надо же, старухе уже было девяносто лет,

а она всё за кресло обеими руками держалась! – возмущению Татьяны Васильевны не было границ.

– Не девяносто, а восемьдесят девять, – стараясь скрыть улыбку, поправляла мать девушка.

Вообще-то Вера не собиралась ни на какую работу. Она ещё вчера из электрички позвонила Клаве и сказала, что в субботу приедет к ней почирикать о своём, о девичьем. Во время Вериного звонка раздался какой-то громкий грохот. Вера догадалась, что это Клава на радостях опрокинула стул или журнальный столик. Она отлично помнила, что когда Клава сильно радуется, то обязательно что-то роняет. К счастью, обычно это бывает что-то небьющееся.

– Что там у тебя опять грохнулось? – на всякий случай спросила Вера.

– Ничего особенного, стопка книг рассыпалась. Я тут для своих готовлю новогоднюю программу.

Вера знала, что своими подруга называет маленьких учеников, удивление она высказала по другому поводу.

– Клава, ты на календарь смотрела?

– А зачем? – не поняла подруга.

– Ещё только сентябрь!

– Так я должна изучить материал и всё расписать заранее. Не подготовившись, второпях можно такого нагородить, что меня из школы вышвырнут, как шелудивого поросёнка.

Вера не выдержала и, несмотря на своё невесёлое настроение, рассмеялась:

– Не велика потеря.

– Для кого как, – серьёзно ответила Клава, – ты же знаешь, я без своих малышей жизни не представляю.

– Везёт же некоторым, – пробормотала она.

– Я тоже думаю, что мне повезло, – охотно согласилась подруга.

– Я не тебя имела в виду, а твою малышню. Таких дур, как ты, что пашут за копейки не только в учебное время, но и сверх него, поискать ещё нужно.

– Верка! Ты, как всегда, преувеличиваешь. Платят мне очень даже ничего.

– Если перевести это на нормальный язык, то прозвучит: «Платят столько, чтобы не умереть с голоду».

– Да ладно тебе занудствовать, – отмахнулась Клава, – а знаешь... – голос Клавы замер в трубке, Вера догадалась, что подруга задумалась.

– Что я знаю? – поторопила она её.

– Иногда мне кажется, что не мне надо платить зарплату, а я должна приплачивать за возможность работать с детьми.

– Я же говорю, дура, – вздохнула Вера.

– Неправда! – оптимистично выпалила Клавдия. – Я счастливый человек! Моя работа доставляет мне столько удовольствия, что я просто на крыльях летаю!

– Твоя взяла, – вздохнула Вера.

– Ну, вот видишь! – торжествующе воскликнула Клава и, кажется, опять что-то уронила.

– Напрасно радуешься, я имела в виду только то, что ты ангел.

– Почему? – растерялась Клава.

– Потому что за те деньги, что платят учителям, работать с нынешними детишками, да ещё радоваться этому, могут только ангелы. Да ты и сама сказала, что у тебя уже крылья отросли.

Клава хотела что-то ответить, но Вера торопливо проговорила: «Всё-всё, я подъезжаю», – и быстро отключила телефон.

Так что в город она едет не на свою фирму, а скоротать день с подругой. Тем более что свободные субботы у Клавы большая редкость.

Но не говорить же об этом матери! Иначе не миновать ку-чи укоров и даже слёз. На самом деле Вера любила своих родителей, просто на даче сидеть она не любила. Ей там было скучно. Конечно, на даче всегда есть чем заняться, но Вере не нравилось копать в земле. Не её это было занятие. Поэтому, едва приехав на дачу, она уже рвалась в город.

На обратном пути из электрички Вера предупредила Клавдию, что скоро будет у неё. На съёмную квартиру она решила не заезжать, сразу же направилась к Клаве.

– Куда-нибудь пойдём? – спросила подруга.

– Куда?

– Можно в парк или на набережную. Поговорим и заодно свежим воздухом подышим. Смотри, какая стоит чудесная

погода! – вдохновенно пропела Клава. – Даже не верится, что уже начало сентября.

– Нет, давай, просто посидим у тебя, – ответила Вера. Свежим воздухом она уже надышалась на даче у родителей. К тому же ей хотелось поговорить с Клавой наедине так, чтобы рядом не было даже случайных чужих ушей.

– Ну, как хочешь, – согласилась Клава.

И Вера мысленно в который раз поблагодарила судьбу за то, что у неё есть такая покладистая и независтливая подруга. Второе качество она ценила даже больше, чем первое. Клава умела так искренне радоваться чужим удачам и успехам, что рассказывать ей о них было одним сплошным удовольствием.

Хотя на этот раз Вера не знала, можно ли считать удачей то, что шеф предложил ей выйти за него замуж. Или она всё-таки лукавила, притворяясь даже перед самой собой. Вера затруднялась с ответом. Ей казалось, что она окончательно запуталась в своих чувствах.

Станным было то, что при сложившихся обстоятельствах она продолжала считать Данилова не просто Андреем, а именно шефом, то есть, по сути своей, чужим человеком. «И как же мне выходить замуж за чужого человека?» – спросила она себя, и тотчас на ум ей пришёл старый анекдот, в котором молоденькая девушка, собравшись под венец, укоряет мать: «Ты, мама, сама вышла за папу, а меня за чужого человека отдаёшь». Губы Веры искривила грустная усмеш-

ка. Только ведь её никто насильно замуж не выдаёт. Просто, как говорят в народе, часики её тикают...

Едва она нажала на звонок Клавиной квартиры, как дверь сразу распахнулась. «Не иначе как Клавка меня под дверью стерегла». Но оказалось всё проще: «Я из окна выглянула и увидела, что ты идёшь, – простодушно призналась подруга, – так я со всех ног к двери».

Едва переступив порог, Вера почувствовала запах жареной курицы и пряный аромат яблочного пирога с корицей. Клава была отменной кулинаркой, этот талант перешёл к ней от матери, обе они могли сотворить вкуснейшее блюдо из минимума самых обычных продуктов. По идее, Клава была настоящим сокровищем, но мужчины смотрели не на её золотые руки и чистую душу, а на круглое лицо, большие очки на курносом носу с россыпью веснушек.

Вера тоже умела хорошо готовить, но не любила, поэтому обходилась полуфабрикатами, а вкусно поесть она могла у родителей или у Клавы, которая всегда искренне радовалась её приходу. К чести Веры, надо сказать, что гостеприимством Клавдии она старалась не злоупотреблять, знала, что школьные дела поглощают не только рабочее время подруги, но и большую часть её так называемого свободного времени. Сама она всегда с тихим ужасом смотрела на горы тетрадей, которые проверяла Клава, и так изо дня в день, этот труд вполне заслуженно можно было бы приравнять к каторге на галерах.

Сегодня Вера напросилась к Клаве домой только потому, что хотела если не посоветоваться с ней, то хотя бы пожаловаться на судьбу...

Вера прошла было сразу на кухню, но, оказывается, Клава накрыла стол в зале.

– У тебя что, праздник, что ли, какой-то? – в притворном удивлении округлила глаза Вера.

– Конечно, праздник! – смешно всплеснула руками Клава. – В кои веки подруга в гости пожаловала.

– Что ты выдумываешь, – отмахнулась Вера.

– Ничего я не выдумываю! – пылко заявила хозяйка дома. – Но, если честно, я в зале накрыла, чтобы нас с балкона обвеивало ветерком! У меня там до сих пор петунии цветут и душистый табак! И мы с тобой вроде бы сидим на террасе кафе.

– Но и выдумщица ты, Клавка! – рассмеялась Вера.

– А ты сама посмотри, как здорово получилось! – она схватила Веру за руку и потянула в зал.

Получилось на самом деле не просто здорово, а великолепно! Уставленный яствами стол Клава придвинула поближе к балкону. Лёгкий ветерок не только вносил в комнату аромат цветов, но и надувал на окне ажурную занавеску, и она реяла, точно парус.

– Давай сначала съедим курицу, пока она горячая, – предложила Клава, – а потом обменяемся новостями.

– Давай, – согласилась Вера, – только тебе не кажется, что

ты переоценила наши способности относительно зверского аппетита?

– Почему зверского? – удивилась Клава.

– Потому что иначе двум хрупким девушкам никак не осилить целую курицу.

– Насчёт хрупкости ты мне явно льстишь. Хотя ты у нас грациозна, как газель.

Вера рассмеялась.

– Смейся, смейся, – шутливо погрозила ей пальцем Клава, – садись за стол. Съедем столько, сколько съедем. А остальное на потом оставим.

Девушки уселись за стол и сосредоточили всё своё внимание на курице. Её золотистая корочка так славно хрустела на их молодых зубах, а нежное мясо просто сочилось вкусным соком. И так случилось, что они сами не заметили, как от жаркого осталась только горсточка костей.

– Ну вот, а ты говорила, – удовлетворённо проговорила Клава, вытирая салфеткой жирные губы и руки.

– Да уж, потрудились мы на славу, – согласилась Вера и оглядела тарелки так, словно не могла поверить собственным глазам.

Они убрали со стола лишнюю посуду, заодно на кухне перемыли тарелки и сервировали стол для чая. Чаепитие началось с торжественного разрезания яблочного пирога.

– А теперь выкладывай, что у тебя стряслось, – сказала Клава.

– С чего ты взяла, что у меня что-то стряслось? – притворно удивившись, спросила Вера.

– Догадалась по твоему голосу, когда ты звонила по телефону, а теперь по твоему виду уверилась в том, что моя догадка верна.

– На мне что, это крупными буквами написано? – невесело рассмеялась Вера.

– Можно сказать и так, – согласно кивнула подруга.

– Ну ты, Клава, даёшь!

– Ничего я не даю, – серьёзно ответила Клава, – не забывай, что я училась в педагогическом.

– И что?

– А то, что в институте нас учили психологии.

Вера тихо вздохнула.

– Ты чего? – испуганно спросила Клава.

– Да вот, думаю, стоило тебе институт оканчивать, чтобы потом всю жизнь с малявками возиться.

– Стоило, – уверенно ответила Клава и сказала: – но давай лучше поговорим о тебе.

– Давай, – кивнула Вера и замолчала.

– У тебя что-то на работе не ладится? – осторожно подтолкнула её Клава.

– Да нет, на работе всё прекрасно.

– Может тебя Андрей Иванович обидел или погода в Сочи была плохая.

– Никто меня не обидел, и погода была прекрасная.

– Тогда выкладывай! – велела Клава. – Не заставляй меня нагромождать одну догадку на другую.

– Короче, Клава, Андрей Иванович сделал мне предложение! – выпалила Вера.

– Да что ты, Верка! – радостно воскликнула Клава. – Как я рада за тебя! Как я рада!

– А я за себя не очень, – тихо выдавила из себя Вера.

– Это ещё почему? – растерялась Клава.

– Не знаю, – пожала плечами Вера, – не лежит у меня к нему душа.

– Он что, плохой человек? – всполошилась подруга.

– Нет, человек он как раз таки хороший.

– Тогда в чём дело?

– Сама не знаю, понимаешь, он кажется мне рохлей.

– Рохлей? – удивилась Клава. – Не может такого быть! – заявила она категорично.

– Это ещё почему? – удивилась Вера.

– Потому что рохли в бизнесе не работают и тем более не создают собственных фирм. Можешь поверить моему опыту.

– Твоему опыту? – невольно рассмеялась Вера. – Где же ты набралась этого опыта? Твои малявки точно ещё не создают своих фирм и не трудятся на чужих.

– Это да, – согласилась Клава, – но ты забываешь, что у них есть родители! И кого среди них только нет! А мне со всеми приходится общаться, находить к ним подход.

– Бедная ты головушка! – воскликнула Вера.

– Это ещё почему? – удивилась Клава.

– Мало тебе малявок, так ещё и с их родителями приходится возиться.

– Ничего я не бедная! – решительно отмела сочувствие подруги Клава. – Я очень даже счастливая. А то, что родителей тоже нужно направлять в правильное русло, не мной открыто. Важно не только найти подход к каждому ребёнку, но и с родителями поладить. Так что ты не перекладывай с больной головы на здоровую и не наговаривай на своего Андрея.

– Он пока не мой.

– Насколько я поняла, тебе стоит только руку протянуть, и он будет твоим. Или я ошибаюсь?

– Ты не ошибаешься, – вздохнула Вера.

– Я, конечно, не знаю, какие ты испытываешь к нему чувства и на чём они основываются, но могу дать тебе только один совет: подумай хорошенько, прежде чем отказывать, как ты сама сказала, хорошему человеку. Нам уже с тобой обеим по тридцать. Мне-то точно век старой девой куковать. А к тебе счастье само в руки идёт. Привяжешься к нему и полюбишь, тем более когда дети появятся. Но решать, конечно, тебе.

– Эх, Клава! – в отчаянии воскликнула Вера. – Мне как в русской пословице: «И хочется, и колется, и мама не велит».

– Ну, маму ты сюда однозначно напрасно приплела, – усмехнулась Клава, – насколько я знаю Татьяну Васильевну,

она будет двумя руками за. Кстати, ты рассказала ей об Андрее?

– Нет, – покачала головой Вера. – Вернее, то, что мы с ним ездили вместе отдыхать, она знает, но что Данилов сделал мне предложение, я ей не сказала. И пока не собираюсь.

– Почему?

– А то ты сама не знаешь! Она как вцепиться в меня, так и не отпустит, пока до загса не дотащит.

Клава рассмеялась.

– Моя мама точно так же поступила бы, только ей вцепляться не в кого.

– А хочешь, я тебя с Андреем познакомлю? – неожиданно спросила Вера.

– С ума сошла! Это ещё зачем?

– Может, ты ему больше понравишься, – задумчиво глядя на подругу, проговорила Вера.

– Не говори глупостей, – рассердилась Клава, – я у подруг женихов не отбиваю, и тебе это прекрасно известно.

– Прости, я неудачно пошутила, – пробормотала Вера, хотя предложение её вовсе не было шуткой. Ей на самом деле хотелось свести шефа и подругу и посмотреть, что из этого получится. Но, хорошо зная свою подругу, она была уверена, что Клава никогда не согласится на предложенную ей авантюру, только рассердится всерьёз. А сердиться Клава умела по-настоящему, хоть и делала это очень редко.

Разговор с Андрея перешёл на другие темы. Время про-

шло незаметно, и так случилось, что обе одновременно посмотрели в окно и увидели, как ярко-оранжевый солнечный шар скатывается к закату, оставляя после себя вереницу пылающих облаков и разноцветную россыпь бликов.

– Засиделась я у тебя сегодня, – сказала Вера, – пора и честь знать.

– Оставайся ночевать, – предложила Клава, – ведь завтра воскресенье.

– Спасибо, – вздохнула Вера, – хорошо у тебя, подруженька, но мне надо побыть одной, – сказала Вера.

– И то верно, – согласилась Клава. – Надеюсь, ты соберёшься с мыслями и примешь верное решение.

– Я тоже на это надеюсь, – едва слышно выдохнула Вера.

Глава 3

Каждый день по пути на работу Вера, сокращая путь, проходила через маленький, но уютный парк. В его липовых и каштановых аллеях по вечерам обнимались влюблённые парочки, ближе к вечеру в парк стекались самодеятельные музыканты, утром гуляли собачники, несмотря на то что их оттуда регулярно прогоняли. Особо предусмотрительные из них носили с собой на западный манер совочки и мешочки, при помощи которых убирали за своими питомцами. Ко многим спокойным собакам местные обитатели привыкли, и на них не набрасывались даже гуляющие там же мамочки и бабушки с детьми. Как-то так само сложилось, что атмосфера в парке была умиротворяющей. Здесь же демонстрировали и продавали свои работы художники, которым были недоступны галереи и которым не хватило места на пешеходной улице города.

Вера, собственно говоря, не только никогда не интересовалась работами этих художников, она даже ни разу не посмотрела в их сторону, считая, что все талантливые живописцы выставляют свои полотна в вернисажах. А то, что можно увидеть в парке, может понравиться разве что деревенским простушкам или горожанкам, живущим на окраине, в уцелевшем с начала прошлого века частном секторе. Откуда в ней зародился этот снобизм, сказать трудно. Несом-

мненно, районный парк – не парижский Монмартр, но всё же, всё же...

В это утро Вера больше смотрела себе под ноги, занятая мыслями о том, что через каких-нибудь полчаса она встретится с Андреем...

А она так и не решила, что ответить ему. Разум говорил ей о том, что нужно согласиться, и немедленно. А глупое сердце сопротивлялось, сердцу хотелось мистерии чувств, романтизма и даже где-то немного пострадать. Вера удивлялась сама себе, неужели всё это время в ней спала уездная барышня позапрошлого века.

Она обо что-то споткнулась и чуть не упала. Но кто-то вовремя подхватил её под локоть.

– Ой, простите, – раздалось у неё над ухом.

Вера подняла голову и встретила взглядом с упоительно голубыми глазами. Они были такими чистыми и бездонными, что казались неотъемлемой частью небес. Вера помотала головой и только тут сообразила, что глаза эти принадлежат художавому, хорошо сложенному блондину среднего роста. Он стоял теперь напротив неё и улыбался, демонстрируя два ряда небольших, но ослепительно-белых зубов.

Только тут до неё дошло, что, задумавшись, она на шаг свернула с дорожки и налетела на одну из картин.

– Это, кажется, не вы, а я должна извиняться, – смутившись, пробормотала Вера.

– Ну что вы, – ещё шире улыбнулся он.

Вера наклонилась и подняла картину. Едва взглянув на неё, она почувствовала что-то наподобие солнечного удара. Хотя нет, это не могло быть связано с солнцем. Ведь на картине была осень, а если ещё точнее, то ласточки, улетающие в тёплые края. Ей сразу вспомнилась строка из стихотворения Джона Китса «Ода осени» и сразу в двух переводах. Первый в переводе любимого ею Маршака – «И ласточки щебечут в память лета». Второй, который на данную минуту казался ей наиболее подходящим, в переводе М. Новиковой – «И ласточки щебечут на отлёт».

Не понимая, что и зачем она делает, Вера схватила картину, прижала её к себе и выпалила:

– Я покупаю у вас эту картину! Сколько я вам должна?

– Эта картина не продаётся, – услышала она слегка насмешливый голос.

И тотчас подняла глаза. «Он что, смеётся надо мной?» – пронеслось у нее в голове. Но как она ни вглядывалась в лицо художника, теперь на нём не было и следа от улыбки.

– Мы, кажется, не поняли друг друга, – Вера полезла в кошелек, достала деньги и протянула их художнику, – надеюсь, этого хватит, – она постаралась, чтобы голос её прозвучал как можно строже.

– Вполне, – кивнул он, – но я уже сказал, что эта картина не продаётся.

– То есть? – растерялась Вера. – Зачем же тогда она здесь находится?

– Эта картина ждала вас, – его голос прозвучал с ласковой вкрадчивостью.

– Что? Что вы сказали? – брови Веры взметнулись вверх.

– Отчего же вы так удивляетесь, милая девушка? Вы сами нашли эту картину или картина притянула вас. Это не важно, но вы нашли друг друга.

Вера по-прежнему смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Я не могу продать вам эту картину, – проговорил он на этот раз грустно, – но я могу вам её подарить! – его глаза осветились внутренним светом. – Так что уберите свои деньги, забирайте картину и ступайте.

– Куда ступать? – зачем-то спросила Вера.

– Я не знаю, – он пожал плечами, – вы ведь куда-то шли.

– На работу.

– Ну так вот. Или вы передумали? – в его глазах блеснул лукавый огонёк.

– Ничего я не передумала, – сердито отозвалась Вера, – как можно передумать идти на работу?

Он снова пожал плечами.

– Мне это неизвестно.

– В смысле? – удивилась Вера.

– В том смысле, что я там давно не был.

– Не были где?

– На официальной работе. Моя работа здесь, – он обвёл широким жестом пространство вокруг себя, – и в мастер-

ской.

– У вас есть мастерская? – почему-то заинтересовалась она.

– Если можно так выразиться, – прозвучал его уклончивый ответ.

– Интересно, – сорвалось с губ Веры.

– Если интересно, то я могу вам её показать.

– Только не сейчас, – поспешно отозвалась девушка.

– Естественно, – мягко улыбнулся он, – сейчас ведь вы торопитесь на работу.

– Да, – Вера повернулась, чтобы уйти.

– Значит, вы не хотите взять мою картину? – прозвучало ей в спину.

– Хочу, – обернулась она, – но я не могу принять такой дорогой подарок от совершенно незнакомого мне человека.

– Так за чем же дело стало, давайте познакомимся. Меня зовут Эдуард, Эдуард Прилунин, можно просто Эд. А вас?

– Вера Матвеевна Евдокимова.

– Можно просто Вера? – спросил он.

– Вера для своих, – нерешительно проговорила она.

– А разве мы уже не свои? – подмигнул он ей весело и открыто в то же время.

– Я даже не знаю...

– Что тут знать, забирайте картину! Дарю от всей души! – он несколько театрально прижал руку к сердцу.

– В таком случае я её, пожалуй, возьму, – не слишком уве-

ренно проговорила Вера.

– Конечно, возьмёте! Обратного пути нет.

Вера облегчённо рассмеялась, подхватила картину и собралась уйти.

– Э, так не пойдёт, – остановил он её.

– Что-то не так? – спросила Вера.

– За вами должок, – произнёс он небрежно.

– Какой должок? – не поняла Вера. – Вы же сами сказали, что подарили мне картину.

– Подарил, – кивнул он, – но вы сделали бы мне большое одолжение, если бы вечером согласились сходить со мной в кафе.

– В кафе? Зачем?

– Просто приятно провести время, друзья же хотят в кафе.

– А разве мы с вами друзья?

– А разве нет?

«Хотя почему бы и не сходить в кафе с этим симпатичным художником, – озорно промелькнуло в Вериной голове, – меня же это ни к чему не обязывает».

Она согласно кивнула:

– Хорошо, встретимся здесь же?

– Лучше у входа в парк в восемь вечера. Мне нужно будет завезти свои шедевры в мастерскую.

– Хорошо, – отозвалась Вера. Про себя она подумала, что успеет после работы зайти домой и переодеться.

Помахав на прощание рукой новому знакомому, Вера за-

торопилась, она боялась, что потратила слишком много времени на разговор с Эдом и теперь может опоздать на работу.

Вера даже не догадывалась о том, что художник давно обратил внимание на симпатичную девушку, почти каждый день проходящую мимо него, как мимо мебели. И ему очень захотелось не только познакомиться с ней, но и очаровать её. Окольными путями он сумел узнать, кто она, где и кем работает.

Эдуарду было двадцать семь лет. Он окончил художественное училище, в своё время ездил в Москву, Питер, Нижний Новгород и даже в Париж, участвовал в местных выставках, но пробиться на более высокий уровень ему не удавалось. Глядя на свои картины, он думал, что вроде бы не обделён талантом и непонятно почему галереи не спешат распахнуть перед ним свои двери. Может быть, развелось слишком много художников? Или он не умеет завязывать нужные связи?

И тем не менее картины его продавались, правда, ровно на столько, чтобы он не умер с голоду. Мастерскую он организовал себе в подвале дома, в котором дед, скончавшийся десять лет назад, оставил ему двухкомнатную квартиру. Родители его были геологами и всю жизнь пропадали в экспедициях. Эдик рос с дедом и бабушкой, потом только с дедом, чудом не загремел в интернат, когда остался абсолютно один семнадцатилетним подростком. В детский дом он не попал по той счастливой случайности, что родители у него всё-та-

ки имелись и регулярно присылали ему деньги на жизнь.

Снабжать Эда деньгами мать с отцом перестали после того, как ему исполнилось двадцать пять лет. Видимо рассудили, что сынок сам уже здоровенный лоб и сможет самостоятельно о себе позаботиться. Эдуард принял решение родителей к сведению и не делал попыток на установление более близких родственных отношений. Они были и остались для него чужими людьми. Если бы не дед, то вообще неизвестно, что бы из него получилось.

И теперь ему часто не хватало деда. Эдуард был уверен, что, если бы дед был жив, его жизнь сложилась бы более удачно. Может быть, он сумел бы накопить денег на хорошую мастерскую. Сейчас же стоило ему заработать приличную сумму, он пускал её на кутёж с друзьями, которые слетались на деньги, как пчёлы на мёд, и тотчас испарялись, как только деньги заканчивались. А ещё он любил потусоваться в ночных клубах и пустить пыль в глаза порхающим там девицам. Нет, ни ночным бабочкам, а тем, которых в старину называли блудницами в хорошем смысле этого слова, то есть ищущим себе подходящего жениха. Среди них были студентки, служащие, дочери бизнесменов средней и мелкой руки и откровенные лентяйки, прожигательницы жизни.

Никому из них Эдуард в мужа не годился, и как только они это просекали, сразу растворялись в ночи. Впрочем, Эдуард и сам не собирался жениться, всё, что он хотел от этих красоток, так это приятно провести время, и не только

в клубе, но и в постели.

Благодаря своему красноречию и умению разглагольствовать на различные темы Эдуарду нередко удавалось удерживать приглянувшуюся ему девушку до тех пор, пока она не приедалась ему, или на его горизонте не появлялась птичка с более яркими пёрышками и более приятным голоском.

Иногда он надолго забрасывал свою работу, пол в мастерской покрывался пылью, засыхали краски. Но голод – не тётка, и как только он напоминал о себе, Эд снова становился прилежным художником и завсегдатаем выставочного пятачка в местном парке.

У него уже более полутора лет не было загулов, и старенькая соседка из квартиры напротив тётя Варя, которая в память о его деде приглядывала за Эдом, надеялась, что он наконец-то остепенился.

– Жениться тебе надо, – чуть ли не каждую неделю твердила она ему.

А он отделялся от неё шуточками да смешками.

«Легко сказать – жениться, – думал он про себя, – а чем жену кормить? Обещаниями? А в ответ получать истерики и скандалы. Нет уж, как-нибудь и холостяком проживу».

Вера давно ушла, а Эдуард всё ещё задумчиво смотрел в ту сторону, где растаял её силуэт.

Он сам не знал, зачем привлёк внимание девушки к себе и подарил ей довольно дорогую картину, а главное, одну из самых любимых своих работ. Ведь изначально он на самом

деле не планировал её никому продавать, тем более дарить.

Сожалел ли он о своей щедрости? Как ни странно, нет. Он искренне хотел, чтобы картина жила в доме Веры. Именно жила, а не просто висела на стене. Ему хотелось, чтобы девушка смотрела на неё, мысленно погружалась в изображённый им мир. И, конечно, думала о нём.

Если бы его спросили, чем именно привлекла его к себе Вера, Эдуард затруднился бы ответить однозначно. Пожалуй, он бы сказал, что она необычная девушка. Хотя что значит необычная? Вера не была писаной красавицей, она не тянула на роль юной грациозной Музы. О том, какой она была внутри, в душе, он не знал. Скорее всего, необычной он воспринимал её чутьём художника. Было в ней что-то такое! Нет, не изюминка. Может быть, внутренний огонёк, который мерцал в глубине её внутреннего мира. И если художник сможет уловить отблеск этого огонька и ему удастся перенести его на своё полотно, то картина оживёт и не оставит равнодушным зрителя. Наверное, как-то так.

Но дано ли ему, Эдуарду, обмакнуть свою кисть в таинственный огонёк, притаившийся в Вериной душе?

Во всяком случае, думал он, дело сделано. Он пригласил её на свидание, и она согласилась прийти.

Эдуарду Вера показалась искушённой женщиной. При всём своём развитом воображении он не мог представить, что Вера долгое время была одна. Внутренний голос подсказывал ему, что у неё и теперь кто-то есть.

Но наличие соперника только заводило Эдуарда. Ему хотелось сойтись с неведомым противником в поединке и одержать победу. Он чувствовал потребность не только завоевать Веру, но и отвоевать её у другого. Только ощутив вкус победы, он проникся бы Верой как высокой наградой судьбы.

Если бы он узнал истинное положение дел, то неизвестно, как повёл бы себя дальше. Может быть, просто отступил или превратил первое свидание с желанной девушкой в вечер дружеского общения. Как знать. Но придуманное им самим Верино прошлое и настоящее приятно кружило голову, возбуждало и толкало на романтические поступки.

Глава 4

Вера примчалась на работу минута в минуту. Она даже забыла поздороваться с приветливым ко всем сотрудникам, а к ней особенно охранником Ильёй Варнавой.

Охранник, скорее, удивился, чем огорчился, списав всё на девичью рассеянность. Хотя прежде Евдокимова не была ни торопливой, ни рассеянной. На работу она приходила заранее, ему, Илье, всегда приветливо улыбалась и даже время от времени интересовалась здоровьем его родителей, чем трогала Варнаву до глубины души. А тут даже не взглянула в его сторону. Скорее всего, сказалось послеотпускное настроение. Ведь сегодня Евдокимова вышла из отпуска первый день.

И тут Илья вспомнил, что в руках Вера несла что-то плоское и довольно большое. «Что бы это могло быть, – думал он, – похоже на завёрнутую картину. Может быть, это подарок шефу? Или привезла что-то из отпуска для украшения офиса», – мысленно гадал парень. У него не было полномочий останавливать сотрудников и расспрашивать их о том, что они несут с собой. Таково распоряжение шефа Андрея Ивановича Данилова. А начальству, как говорится, видней. Через минуту Варнава уже выбросил из головы Веру вместе с несвойственным девушке поведением.

Евдокимова в это время уже была в бухгалтерии. Раскрас-

невшаяся от быстрой ходьбы и от так и не покинувшего её волнения, Вера отшучивалась от обступивших её сотрудников. Со всех сторон звучало:

– Верочка, как съездила?

– Вера Матвеевна, каким было море? Вы купались? На экскурсию ездили?

– Отель сколько звёзд?

Исподволь прозвучало и то, что больше всего интересовало коллег:

– Шеф сделал вам предложение?

Вера поджала губы.

– Вы уж, голубушка, извините нас за любопытство, – пробасила самая старшая из «девочек» пятидесятивосьмилетняя Марина Аркадьевна, – мы за вас все так переживаем.

– Ну и напрасно, – постаралась отозваться как можно беззаботнее Вера. Она вовсе не собиралась допускать в святая святых любопытных сослуживиц, хотя и допускала, что они искренне переживают за неё и своего обожаемого шефа.

– Андрей Иванович что-то не выглядит весёлым, – робко заметила двадцатипятилетняя Алёна Игнатова, тайно влюблённая в Данилова.

– Что да, то да, – подхватила ещё одна сотрудница, сорокалетняя Ирина Матвеевна Елизарова.

– А что, он уже заходил сюда? – небрежно спросила Вера.

– А как же! – всплеснула холеными полными руками Марина Аркадьевна.

– Спрашивал о вас, – многозначительно заметила Ирина Матвеевна.

– Я задержалась в парке, – ответила Вера.

– В парке? – удивлённо в один голос выдохнули все три «девочки».

– Да, я на работу хожу через парк. Вот и...

– Да, погода сегодня и впрямь прекрасная, – не дала ей договорить Марина Аркадьевна.

– Дело не в погоде, – поморщилась Вера, страшно не любившая, чтобы её перебивали. Исключения не делалось и старшим по возрасту.

– А в чём? – пискнула Алёна, чем сразу же сняла возникшее было напряжение.

– Там художники кучкуются, – неожиданно для всех «девочек» словоохотливо пояснила Вера. – И вы не поверите, оказывается, даже в таких местах можно присмотреть вполне приличную картину.

– И вы присмотрели? – живо заинтересовалась не лишённая чувства прекрасного Ирина Матвеевна.

– Да, – кивнула Вера. Она знала, что Елизарова не пропускает ни одной художественной выставки, и у неё появилось острое желание узнать мнение Ирины Матвеевны о подаренном ей Эдуардом полотне. Она не стала сдерживать своей потребности и освободила картину от бумаги.

– Какая прелесть! – восторженно воскликнула Алёна.

– Очень даже неплохо, – согласилась надевшая очки и

приглядывавшаяся к картине Уфимцева.

– А что скажете вы, Ирина Матвеевна, – Вера повернула голову в сторону Елизаровой.

– Верочка, – проговорила та взвешенно, – меня всё-таки нельзя считать специалистом по живописи, я всего лишь любитель, но мне картина нравится. И лично я считаю, что художник, несомненно, талантливый человек. Может быть, ему не хватает в некоторой степени трудолюбия.

– Как это так? – удивились все присутствующие женщины. Елизарова слегка замялась, а потом ответила:

– Понимаете, – она пощёлкала пальцами, точно подбирая слова, потом сказала: – Поэты говорят «ни дня без строчки», писатели что-то такое о чугунной попе.

Игнатова не выдержала и прыснула со смеху.

– Да, да, Алёна, – пригрозила ей пальцем Ирина Матвеевна, – в обоих случаях речь идёт о трудолюбии. Я не знаю, какими словами сказать об упорном каждодневном труде художника. Но... – она снова пощёлкала пальцами, – мне кажется, что этот художник работает по вдохновению. А не каждый день.

– Как же можно без вдохновения?! – даже глаза от возмущения зажмурила Алёна.

– Не только можно, но и нужно, – сурово нахмутив брови, поддержала Елизарову Уфимцева. – Если каждый начнёт дожидаться вдохновения, на полях осыплется урожай, пекарь будет печь хлеб два раза в год, и мы все умрём от голода, а

портные и сапожники в ожидании вдохновения оставят нас нагими и босыми. Встанут заводы и фабрики. Встанет транспорт, и артисты закроют перед носом зрителей двери театров.

– Ну, вы даёте, Марина Аркадьевна, – хмыкнула Алёна, – сравнили художника со всеми остальными. Вы бы ещё нас, рабочих лошадок, упомянули.

– И зря, что не упомянула, – сказала Елизарова, – наша работа нужна не менее, чем работа художника. И каждый на своём рабочем месте должен в идеале и творить, и пахать.

– Так это в идеале, – протянула Игнатова.

– В общем, я так поняла, – прервала прения Вера, – что художнику, подарившему мне картину, не хватает ежедневного труда?

– Точно, – согласилась Елизарова, – он порхает по жизни, как мотылёк с цветка на цветок.

– По нему вроде этого не скажешь, – пробормотала Вера.

– Погодите, погодите! – быстро проговорила Марина Аркадьевна. – Я, наверное, ослышалась?

Все вопросительно посмотрели на Уфимцеву.

И она пояснила:

– Верочка, вы сказали, что картину вам подарили?

– Да, а что тут особенного? – спросила Вера.

– В общем-то, ничего. Но лично мне никогда картин своих художники не дарили.

Алёна не удержалась и снова прыснула.

– Нечего хихикать с намёками на мой возраст, – осадила её Марина Аркадьевна.

– Да я ничего такого и в голове даже не держала, – смутилась Игнатова.

– Держала, держала, – погрозила ей пальцем Уфимцева. – Но вот ты у нас юная пригожая девица-красавица, тебе дали художники картины?

– Ну, если только Сенька Волосов, – пробормотала себе под нос Алёна.

– Какой ещё Сенька?

– Я же говорю! Волосов!

– И чем он знаменит?

– Ничем. Просто мы с ним сидели за одной партой, и в третьем классе учительница велела мальчикам сделать подарки для девочек своими руками. Вот Сенька и нарисовал для меня картину.

– И что же на ней было изображено? – заинтересовалась Елизарова.

– Я думала, что это разноцветные бабочки – жёлтые, красные, зелёные.

– А что же оказалось на самом деле?

– Яичница, – выдавила из себя Алёна.

– Яичница?!

– Да, с помидорами и украшенная листьями петрушки. Сенька сказал, что такую яичницу всегда делает его мама.

Все девочки, не исключая и саму Алёну, рассмеялись.

– Но в том, что Вере Матвеевне художники дарят картины, а нам нет, ничего особенного я не вижу. Просто она у нас особенная! В неё даже шеф влюбился! А Андрей Данилович аббы в кого влюбляться не станет.

Все спорщицы прикусили язык, чтобы не ранить сердце влюблённой в Данилова девушки.

Только Уфимцева несколько минут спустя, проходя мимо Вериного стола, тихо шепнула ей:

– Я бы на вашем месте, Верочка, держала ухо востро и не очень-то доверяла всяким там творческим личностям. А то охмурят, соорудят из вашей жизни чёрный квадрат Малевича, а вам потом расхлёбывать.

– Спасибо, я учту, – так же тихо ответила Вера.

Она постаралась сосредоточиться на работе, но образ художника продолжал стоять перед её внутренним взором, затмевая всё остальное.

Раза два ей даже показалось, что за окном пролетела стая ласточек, и лишь позднее она сообразила, что это ветер сорвал с растущего за окном тополя несколько пожелтевших листьев и унёс их прочь. Вера сама не могла понять, что же с ней происходит. Она считала себя девушкой, не склонной к особой чувствительности. «Скорее всего, виновата картина, – решила она, – слишком реалистично выглядели на ней ласточки». О силе искусства она много слышала и читала, но на себе воздействие этой силы она испытывала впервые.

Скорее всего, Ирина Матвеевна права, и этот парень на-

стоящий самородок. И она, Вера, может гордиться тем, что оценила по достоинству то, мимо чего другие проходят мимо. Видимо, он нигде не выставляется. Иначе Елизарова обязательно бы запомнила его картины и не преминула рассказать о них «девочкам». И только ближе к обеду она смогла заставить себя погрузиться в столь любимые ею цифры и таблицы.

Зато о своём шефе Андрее Ивановиче Данилове Вера так и не вспомнила до тех пор, пока он в обеденный перерыв не зашёл в бухгалтерию, чтобы по сложившейся за последние два с половиной месяца традиции отправиться вместе с ней на обед.

Она не оторвалась от монитора, когда он вошёл в бухгалтерию, и только тогда подняла голову, когда на неё зашикали со всех сторон. Вера сразу же столкнулась с изучающим её взглядом Данилова и невольно смутилась.

– Простите, совсем заработалась, – пробормотал она в своё оправдание.

– Ничего, бывает, – ответил он понимающе.

– За такое трудолюбие начальству остаётся нас только похвалить, – проговорила Уфимцева, заговорщицки подмигнув Вере.

– Да разве же я вас, Марина Аркадьевна, не хвалю, – рассмеялся Данилов, – но и превращать вас в загнанных лошадей не собираюсь.

– Патроны на нас хотите сэкономить, – сладко потянулась

Елизарова.

– Какие такие патроны? – брови шефа взлетели вверх.

– Так говорят же, что загнанных лошадей пристреливают, – охотно пояснила молчавшая до сих пор Игнатова.

– Типун вам на язык! – вырвалось у начальника.

Щёки смутившейся девушки залила краска.

– Простите меня, Алёна, – спохватился Данилов, – сорвалось машинально.

– Это я, дурочка, сама не к месту высунулась, – тут же бросилась девушка защищать шефа от самого себя.

Данилов ласково ей улыбнулся, и Алёна стала совсем уж пунцовой.

– Тебе надо сходить в туалет, – заявила Марина Аркадьевна.

– Это ещё зачем? – пролепетала Алёна.

– Носик попудрить, – не моргнув глазом пришла ей на помощь Уфимцева.

– Да, вы правы, Марина Аркадьевна, тем более время уже обеденное. Извините, – она поднялась со своего места и почти что бегом устремилась к двери.

– Совсем смутили девчонку, – неодобрительно сказала Ирина Матвеевна.

– Так я не нарочно, – оправдываясь, пробормотал шеф.

– Никто вас, Андрей Иванович, и не винит, просто Алёна девушка молодая, впечатлительная.

– Я буду иметь это в виду в следующий раз, – ответил Да-

нилов.

– Да уж, пожалуйста, имейте, – не моргнув глазом отозвалась Елизарова и вслед за Алёной покинула комнату.

– Так мы идём? – спросил Данилов, глядя на Веру.

– Да, да, – как можно беззаботнее отозвалась та, – ещё один щелчок мышкой и я в полном вашем распоряжении.

«Если бы так на самом деле было», – подумал про себя Данилов, но вслух ничего не сказал. Он догадывался, что Вера если и думала над его предложением, то дать ответ пока не готова. Он успокаивал себя этим пока и надеялся, что время играет на его стороне.

Глава 5

Они спустились вниз и зашли в маленькое кафе, находящееся в том же здании, где располагалась их фирма. Сели за столик, где садились чаще всего, если он был, конечно, не занят. А занят он бывал очень редко.

Данилов по простоте души даже и не догадывался, что в этом заслуга относящегося к нему с симпатией официанта, парень просто не давал занять его другим посетителям.

Вера подозревала, в чём дело, но не спешила информировать об этом шефа. Её забавляло, что проницательный и редко допускающий в делах бизнеса ошибки Данилов в обычной жизни мог вести себя как доверчивый ребёнок, которого легко ввести в заблуждение взрослому человеку.

К счастью, в быту никому не приходило в голову подшучивать над ним или оттачивать на нём искусство устраивать злые каверзы. Так что обожавшим его сотрудникам можно было не опасаться за безопасность шефа.

– Как всегда? – спросил Веру Данилов, когда к их столику подошёл официант.

Она машинально кивнула, а потом вдруг окликнула уже собравшегося отойти от их столика парня:

– Можно мне сегодня жареную на гриле форель?

– Да, конечно, – несколько удивлённо протянул тот в ответ и вопросительно посмотрел на Данилова.

Тот согласно кивнул, официант что-то быстро черкнул в своём блокнотике и испарился, чтобы через несколько минут вернуться назад и аккуратно расставить на столе заказанные ими блюда.

– Я что-то по рыбе соскучилась, – проговорила, отвечая на взгляд Данилова Вера.

– А я думал, что ты её на море про запас наелась, – попробовал пошутить он.

Но шутка, наверное, не удалась, так как Вера в ответ кисло улыбнулась.

Молчание затягивалось, и, когда они перешли к десерту, Андрей спросил:

- Как ты провела выходные?
- К родителям на дачу ездила.
- На два дня?
- Нет. Вернулась уже в субботу, – призналась девушка.
- И просидела одна в четырёх стенах?
- Нет, в субботу я с Клавой встречалась.
- С Клавой? – наморщил он лоб.
- Ну да, я же тебе рассказывала, Клава – моя лучшая подруга.
- Да, помню, та, что учительница.
- Младших классов, – вздохнула Вера.
- Ты чего? – спросил Андрей.
- Так, – отмахнулась девушка, – Клавку жалко.
- Почему? – искренне удивился он.

– Потому что она за уроками и тетрадями света вольного не видит!

– Если твоей подруге не нравится её работа, то почему же она не уйдёт из школы?

– В том-то и дело, что она ей нравится.

– Тогда, наверное, она не нуждается в жалости.

– Это точно, – невольно улыбнулась Вера, – Клавка в жалости не нуждается. Ты знаешь, что она мне ответила, когда я сказала ей, что она гробит лучшие годы своей жизни за копеечную зарплату?

– И что же? – искренне заинтересовался Андрей.

– Что ей кажется время от времени, что это не ей государство должно выплачивать зарплату за её каторжный труд, а она, Клава, должна приплачивать за то, что ей разрешают возиться с её мелюзгой! – Вера рассмеялась.

Андрей улыбнулся и сказал:

– Наверное, твоя подруга очень любит детей?

– Очень, – подтвердила его предположение Вера.

– Почему же не родит своих?

– Легко сказать, родит, – пожала плечами Вера. – От кого?

Мужа у неё нет.

– Вообще-то если хочется, то можно и одной родить.

– Разреши тебе напомнить, – съязвила Вера, – что люди не могут размножаться, как улитки, оплодотворяя сами себя.

– Извини, я не это имел в виду, – густо покраснел Андрей. – Но, если женщина хочет, она рождает ребёнка для се-

бя.

– Ага, – кивнула Вера, – для себя, но я, например, не хочу рожать без мужа. Я считаю, что у моих детей должен быть отец.

– У твоих будет! – неожиданно пылко заверил её он. А про себя подумал, что, если бы его мать рассуждала так, как рассуждает Вера, его бы не было на свете. Конечно, в том, что он рос без отца, нет ничего хорошего. Однако это лучше, чем, если бы его, Андрея, вообще не было. Поэтому он был благодарен своей матери за принятое ею решение родить ребёнка для себя. Вышло же так, что подарок мать сделала ему. Она подарила своему сыну жизнь. А ведь жизнь – это такой подарок, который ни в одном магазине не купишь и ни в какую лотерею не выиграешь. Сознавая это, Андрей и своему неизвестному отцу был в какой-то степени благодарен. Почему в какой-то степени? Потому что биологический отец был в какой-то мере фигурой легко заменимой. А вот мама – это совсем другое дело.

Вера спохватилась, что их разговор соскользнул на скользкую тему, демонстративно посмотрела на часы и проговорила:

– Ой, мы, кажется, с обеда опаздываем.

– Никуда мы не опаздываем, – ответил Данилов, махнул рукой официанту и расплатился по счёту, как всегда, оставив щедрые чаевые.

На душе у Андрея заскребли кошки. Ему показалось, что

Вера изменилась за то время, что они не виделись. Ответа на вопрос, в чём и как она изменилась, у него не было. Изменилась и всё тут. И он отчётливо осознал, что ответа на своё предложение он от неё не получит ни сегодня, ни завтра. Что же делать? Надоедать ей и просто мозолить глаза глупо и недостойно мужчины. Поэтому Данилов решил на время самоустраниться. Пусть взвешивает все свои «за» и «против», он ни мешать ей, ни торопить её не будет. После того как решение было принято, Данилов, как ни странно, почувствовал облегчение.

А Вера, еле дождавшись конца рабочего дня, наскоро простилась с коллегами и помчалась домой, прихватив подаренную картину.

Говорят, что от наслаждения внизу живота трепещут бабочки, а у Веры от предвкушения вечернего свидания с Эдом вокруг головы, точно подвижный нимб, кружились хороводом ласточки.

И пусть они были никому не видны, кроме неё, она явно ощущала касание их крыльев кожей лба, щёк, губами и даже веками. Они были рядом с ней, эти ласточки. И ей казалось, что зависело только от неё, улетят они в тёплые края или останутся здесь навсегда.

Придя домой, Вера первым делом сняла со стены несколько лет висевшую там картину Алексея Саврасова «Грачи прилетели». «Бр-р, март, – подумала она, – лежит снег, холодно». На освободившееся место она повесила карти-

ну Эдуарда Прилунина «Ласточки». Воздух на полотне был пропитан медовым свечением осеннего солнца. И Вере стало тепло, несмотря на то что сюжет был осенним.

Постояв несколько минут перед картиной, она не спеша направилась к своему гардеробу, на ходу прикидывая в уме, что же ей надеть. Скорее всего, Эд пригласит её в дорогое кафе. Она надеялась на то, что в вечерний клуб он её не потянет, а разгуливать в парке уже и темно, и прохладно. «Чай, не лето красное», – услышала она как наяву голос своей матери и улыбнулась. «А вот надену-ка я своё красное платье», – озорно подумала она. Надела, покрутилась перед зеркалом и так и сяк. Осталась довольна. Сверху примерила чёрную бархатную накидку. Решила, что получилось гармонично. Тёмные туфли лодочки на среднем каблуке и лёгкий плащ.

Когда Вера подошла к месту встречи, Эд уже ждал её.

– Вы пешком? – спросил он её.

– Да, я живу здесь рядом, – отозвалась Вера.

– А я на машине, – он кивнул на стоянку возле парка, – пойдёмте?

– Да, конечно.

Они дошли до стоянки, и художник жестом указал на светлую «Ладу Приору».

– Не «Мерседес», конечно, – улыбнулся он шутливо, – но всё-таки железный конь.

– Нормальная машина, – отозвалась Вера.

– Тогда прошу садиться, – он открыл перед ней дверцу,

и Вера грациозно скользнула в салон, села на место рядом с водителем.

– Куда поедем?

– Я, право, не знаю, – улыбнулась она с лёгким кокетством.

– В таком случае разрешите пригласить вас в «Надежду»?

– В «Надежду»? – переспросила Вера.

– Да, вполне приличное кафе, – пустился в объяснения художник. – Я понимаю, что такую шикарную девушку нужно приглашать в ресторан. – Он оценивающе посмотрел на Веру и поспешно добавил: – Но я надеюсь, что у нас всё ещё впереди.

– Я тоже на это надеюсь, – улыбнулась Вера, – так что, шеф, трогай!

– Слушаюсь и повинуюсь, – подхватил он её игривый тон.

«Хорошо, что не пригласил в «Маленькую Веру», – подумала она про себя. Был в их городе ночной клуб с таким названием и со стриптизом.

Они один раз с Клавой, будучи ещё студентками, месяца три копили деньги, а потом, смеха ради, спустили их в этом клубе. Оторвались по полной! Если бы только об этом тогда узнали их матери. У обоих бы волосы дыбом встали. Хорошо ещё, что девушкам хватило одного раза для утоления любопытства. Стриптизёры же их не особо вдохновили.

– Смотри, вон тому лосю лучше всего на заводе вкалывать, – жарко шептала на ухо подруге Клава.

– Ага, – отвечала Вера, – или на тракторе пахать.

– А погляди, вон тот, у которого ноги чуть ли не колесом!
Ему бы лошадей объезжать!

– Ага, или в кавалерии служить.

Девушки покатывались со смеху до тех пор, пока на них не стали шикать другие посетительницы, наверное, истинные ценительницы мужской красоты. Домой подруги пришли под утро развесёлые. Но больше в тот клуб они ни разу не ходили.

В кафе «Надежда» Вера была два раза. Один раз с компанией родственников, когда отмечали юбилей двоюродной бабушки, а второй раз с коллегами по работе на 8 Марта.

Кафе это было приличным, можно сказать, степенным. И теперь Вера гадала, почему художник пригласил её именно в него. Может быть, потому что оно было не слишком дорогим? В этом случае она вполне поняла бы его. Откуда у художника деньги на дорогие рестораны.

Но Прилунин пригласил Веру в «Надежду» вовсе не из-за стеснённости в средствах. Деньги у него сейчас как раз были. Просто он считал Веру приличной девушкой из интеллигентной семьи и не хотел шокировать, приглашая в более раскованные ночные заведения. Вдруг она не так поймёт его или, того хуже, испытает шок и сбежит с первого же свидания.

Когда Вера сняла в гардеробе плащ, глаза Эда слегка округлились. Вероятно, он не ожидал, что она выберет на

первое свидание такой смелый наряд.

– Вы выглядите роковой женщиной, – шепнул он ей, почти касаясь губами её макушки.

Вера ничего не ответила, спрятав улыбку в краешке рта. То, что художник на данный момент не был бедным, Вера поняла, когда он, придвинув к ней меню, предложил ей сделать заказ. Девушка постаралась выбрать не особо дорогие блюда.

Он снисходительно выслушал её, и спросил:

– А как вы относитесь к крабам?

– Хорошо отношусь! – вырвалось у неё.

– Тогда в чём же дело? – покровительственно улыбнулся он.

– Просто они дорогие, – лёгкий румянец окрасил Верины щёки.

– О! Вы заботитесь о моём кошельке, – его улыбка стала ещё шире. Ему на самом деле было приятно, что Вера, как он и предполагал, оказалась не хищницей и не стервой. – Можно я выберу блюда на свой вкус? – спросил он мягко.

– Пожалуйста, – пожала плечами Вера.

– Вы любите речную форель? – спросил он.

– Люблю, – кивнула Вера.

– А щучью икру?

– Я всякую люблю.

Он довольно рассмеялся и продолжил отмечать деликатесы, уже не спрашивая Вериного мнения.

– Может быть, хватит? – спросила она. – Мы ведь не бегемоты, чтобы столько съесть.

– Не волнуйтесь, – он легко накрыл её руку своей, – я всего заказал понемногу. Осталось выбрать десерт. Как вы относитесь к миндальным пирожным?

– Нормально, если горький миндаль не заменён в них цианистым калием, – ляпнула она.

Эдуард сделал вид, что оценил её шутку, и тихо рассмеялся:

– Можете не беспокоиться по этому поводу. В этом заведении ещё ни разу не было никакого криминала. Так что уж говорить об отравлениях цианидом.

– Уговорили, – усмехнулась Вера, – пусть на десерт будут миндальные пирожные.

В зале звучала приятная тихая музыка. Они ели, обменивались взглядами и улыбками.

Потом музыка стала живее, и Эдуард предложил:

– Может быть, потанцуем?

Она кивнула, и он поспешил помочь ей встать из-за стола. Вера мысленно поблагодарила музыкантов за то, что музыка хоть и перестала быть медленной, но и не стала быстрой. Ей вовсе не хотелось растряссти все уложенные с такой тщательностью в её животе лакомства. Давно она так не пиновала. Хотя Андрей и приглашал её в дорогие рестораны, но там она не съедала зараз столько вкусовостей. И дело не в том, что Данилов был скупым, нет, он просто не был гурманом,

для Веры он заказывал то, что она сама выбирала. И оба были довольны. Зато Андрей легко тратил деньги на театры, филармонию, концерты, выбирая самые удобные, а значит, и самые дорогие места в зрительном зале.

Руки Эдуарда приятно сжимали её талию. Вернее, не совсем талию, одна рука мужчины лежала чуть выше линии талии, а другая легко соскользнула вниз, впрочем, не особо нарушая приличия. Вера сделала вид, что ничего не замечает. А вообще-то ей нравилось расположение его рук на её теле.

Пряный аромат его туалетной воды ей тоже нравился, он волновал Верино воображение и слегка опьянял, да, именно опьянял, а не пьянил, как некоторые сильные парфюмерные запахи, особенно если они исходили от мужчин, которые буквально купались в туалетной воде, выливая на себя добрых полфлакона. Вернее, недобрых. И почему это некоторым представителям мужского пола не приходит в голову, что сильный запах, исходящий от них, может травмировать нежное женское обоняние?

– Вера, а вы воспитывались в полной семье? – неожиданно спросил её Эдуард, когда они вернулись за столик.

– Да, – ответила она несколько растерянно и подумала про себя: «Неужели и у этого нет отца». – А вы? – спросила она вслух.

– Меня воспитывал дед, – признался он.

– Дед?

Он кивнул.

– А что же случилось с вашими родителями?

– Да ничего с ними не случилось, – отмахнулся он, – мои родители живы и здоровы.

– Слава богу! – вырвалось у Веры. – Почему же тогда они вас бросили? – проснулось в ней женское любопытство.

– Вообще-то они не бросали меня, – улыбнулся художник, – просто они геологи, и их практически никогда не было дома.

– Тогда понятно, – с явным облегчением протянула Вера.

«И всё-таки я не ошибся, она добрая девушка», – подумал Эд довольно.

– Хотите, я расскажу вам о своём детстве? – спросил он.

– Хочу, – ответила Вера. Она действительно хотела. Ей было интересно о нём всё-всё.

Обретя в лице Веры искренне заинтересованную в нём слушательницу, Эдуард заливался соловьём.

А Вера слушала, кивала, задавала редкие короткие, чаще всего наводящие вопросы и снова слушала и кивала. Когда он замолчал, часы на импровизированной башне за стойкой бара пробили двенадцать.

– Ой, уже так много времени! – Вера сделала попытку подняться.

– Ну что вы! – удержал он её за руку. – Прямо как Золушка!

– Почему Золушка? – удивилась Вера.

– Просто мне показалось, – рассмеялся он, – что вы бои-

тесь, как бы ваша карета не превратилась в тыкву.

— У меня и нет никакой кареты, — рассмеялась слегка опьяневшая Вера. Она выпила всего два бокала шампанского, но игривые пузырьки ударили ей в голову.

Эдуард не пил, так как был за рулём.

— Вот именно, — подхватил он, — кареты у вас нет! Зато кучер есть! Это я! — он ударил себя в грудь. — И я обещаю вам, что ни при каких условиях не превращусь в крысу.

Вера звонко рассмеялась и тут же прикрыла рот ладошкой. А потом проговорила, блестя глазами:

— А вдруг моё платье превратится в лохмотья?

— Такая красивая женщина, как вы, в любых лохмотьях будет смотреться, как в королевском платье.

— Спасибо, — улыбнулась Вера и смущённо потупилась.

Прошло ещё полчаса, и девушка всё же настояла на том, чтобы Прилунин отвёз её домой.

Колёса автомобиля неслышно скользили по дороге притихшего ночного города. Эдуард краем глаза рассматривал отражавшееся в зеркале лицо Веры. Ему показалось, что девушка чем-то неуловимо похожа на эту тихую тёплую осеннюю ночь. Ему хотелось остановиться возле парка, вывести Веру из машины и долго и страстно целоваться с ней под скупыми лучами убывающей луны. Но он понимал, что не место и не время. Обольстить Веру с наскока не получится. Впрочем, если подумать, то и ему самому это неинтересно. Эдуарду хотелось, чтобы история их любви была не только

красивой, но и долгой.

– Куда дальше? – тихо спросил он, когда они миновали парк.

– Прямо, – ответила она, – потом налево и под арку.

Ехать пришлось не более трёх минут.

– Мой подъезд в середине, – прошелестел её тихий голос.

И он затормозил возле бровки. Имей он такую возможность, он довёз бы её до самой двери.

Невольно ему вспомнился один из рассказов О' Генри, в котором приехавший из провинции американец поднялся по ступеням лестницы в подъезде прямо до двери своего приятеля. Эд улыбнулся.

– Вот я и дома, – сказала Вера, – спасибо вам за чудесный вечер, – она осторожно коснулась его руки, – и за то, что доставили прямо до дома, тоже спасибо. – Она открыла дверцу автомобиля, не дожидаясь, пока он поможет ей, и сама выбралась из салона.

Через мгновение он стоял рядом с ней.

– Я тоже вам искренне признателен за то, что вы скрасили мой холостяцкий вечер.

Вера невольно улыбнулась, он говорил таким тоном и с таким выражением лица, точно был английским джентльменом начала прошлого или даже конца позапрошлого века и лет ему было много.

– Я пойду, – сказала девушка.

– Подождите, ещё одну минуточку, – проговорил он про-

сительно.

Она повернула к нему своё лицо. Ветер качал ветви растущего около подъезда тополя и тени от ветвей то набегали на Верин лик, то отступали, уступая место робкому лунному свету. Лик, именно лик! Так назвал его про себя Эдуард.

– Вера! Если бы вы знали, какая вы! – выдохнул он вдохновенно.

– Какая? – тихо спросила она.

– Необыкновенная! Неповторимая! Я бы сказал, неземная! Таинственная! Но в то же время вы такая уютная, тёплая, родная!

– Правда? – недоверчиво спросила она.

Он кивнул и облизал пересохшие губы. Ему не хотелось расставаться с ней, но и напрашиваться к ней в гости в этот поздний час было бы неверным ходом. Он чувствовал это чутьём художника и интуицией влюблённого мужчины. Она должна привыкнуть к тому, что он есть в её жизни.

– А вы знаете, – неожиданно сказала Вера, – я уже повесила вашу картину на стену.

«Когда успела», – промелькнуло в его голове, и он спросил:

– Правда?

– Да, как только вернулась с работы, – сорвался с её губ ответ на его произнесённый вслух вопрос. – У меня там висела другая картина, – призналась она, смутившись, – но я подумала, что на этом месте должны висеть ваши «Ласточ-

ки».

– И чьё же место я занял? – нервно хихикнул Эдуард.

– Там были «Грачи» Саврасова.

«Не Сафронов, но тоже ничего», – подумал он самодовольно и поздравил себя с первым успехом.

– Значит, теперь частица меня всегда будет с вами, – сказал он.

– Да, – кивнула Вера.

Он осторожно взял её руки в свои и прижался губами сначала к указательному пальцу её правой руки, потом медленно переместил губы на безымянный, а затем покрыл каждый палец цепочкой бережных скользящих поцелуев. И лишь после этого перешёл к её левой руке.

Он почувствовал, что девушка затаила дыхание. Его же собственное дыхание стало горячим и наполненным страстью.

Вера, в свою очередь, еле держалась на ногах, внезапный трепет охватил всё её существо, и горячие волны медленно нарастали и поднимались откуда-то изнутри. Бесконечное блаженство переполнило её душу и тело. Ей казалось, что ещё немного, и она рухнет наземь. Но как раз в этот решающий момент Эдуард отнял свои губы от её рук, а потом и вовсе выпустил Верины руки из своих.

– Простите, – прошептал он едва слышно.

– Я пойду, – пролепетала, в свою очередь, Вера.

Он сделал шаг в её сторону, намереваясь довести девушку

до подъезда. Но она покачала головой:

– Не надо, я сама.

Когда дверь подъезда закрылась за Верой, Эдуард вернулся к своему автомобилю, забрался в салон и, не торопясь, тронул машину с места.

Он не догадывался о том, что Вера наблюдает за ним с площадки второго этажа. И только когда машина художника скрылась из виду, она побежала вверх по ступеням к двери своей квартиры.

Глава 6

Не разуваясь, Вера прошла в комнату и первым делом позвонила Клаве.

– Алло, – раздался сонный голос подруги.

– Клавка, ты дрыхнешь? – рассмеялась Вера в трубку счастливым гортанным смехом.

– Верка, ты, что ли? – пробормотала всё ещё не проснувшаяся до конца Клавдия.

– Я...

– У тебя лунатизм появился? Хотя вроде сегодня не полнолуние.

– Дурочка, – снова засмеялась Вера, – я влюбилась!

– В Андрея? – Клава, кажется, окончательно проснулась.

– Нет!

– А в кого же? – недоумённо спросила Клава.

– Клавка! Ты так говоришь, словно на свете существует только один Адам.

– Какой Адам? – не поняла подруга, потом в её голове, наверное, промелькнули какие-то смутные догадки, и она спросила: – Ты познакомилась с мужчиной, которого зовут Адам?

– Нет! – не сдерживаясь, рассмеялась Вера. – Его зовут Эд!

– Как-как? – не поняла подруга.

– Эдуард. Но он представляется Эдом.

– Артист, значит, – с нескрываемым разочарованием вздохнула Клава.

– Почему артист? – на этот раз озадачилась Вера.

– Потому что артисты придумывают себе всякие псевдонимы, напускают на себя таинственность.

– Нет, он не артист! И не имеет никакого отношения ни к кино, ни к театру.

– Спасибо, – громко зевнула Клава.

– За что?

– За то, что успокоила меня.

– Клава! Подожди! Не засыпай! Я сегодня получила в подарок картину.

– Красивую?

– Очень!

– А какой сегодня праздник?

– Не знаю, по-моему, никакого. А зачем тебе?

– Ты же сказала, что тебе подарили картину. День рождения и именины в этом году у тебя уже прошли. Значит, какой-то другой праздник.

– Клава! Разве подарки дарят только на праздники?

– Не знаю, наверное, кому как. Но мне лично только на день рождения и на Восьмое марта.

– Не ври! Я тебе на Новый год кофеварку подарила.

– Ага, – хмыкнула Клава, – и сама же ею пользуешься.

– Это потому, что тебе самой лень её включать.

– Точно! Верка! Имей совесть, давай спать, мне завтра на работу.

– И тебе неинтересно, кто подарил мне картину?

– Я и так уже догадалась, что тебе подарил её этот самый Эд.

– Правильно! – похвалила подругу Вера. – Но ты не догадалась о самом главном.

– О чём же?

– О том, что он сам её написал.

– Понятно. Он ещё и картины пишет.

– Именно! Это его профессия! Он художник!

– А как его фамилия?

– Прилунин.

– Никогда не слышала о таком художнике, – проговорила, немного подумав, Клава.

– Я тоже до сегодняшнего дня ничего о нём не слышала, – призналась Вера.

– Так ты с ним только сегодня познакомилась? – удивилась Клава.

– Вернее, вчера, – тихо сказала Вера, – утром, перед началом рабочего дня.

– И где же ты могла с ним познакомиться в такую рань?

– В парке.

– В парке?! – ахнула Клавдия.

– Клавка! Я же каждое утро по пути на работу прохожу через парк! Я тебе сто раз об этом говорила!

– Не надо так вопить в трубку, – прозвучал жалобный голос подруги, – я прекрасно помню, что ты через парк ходишь на работу. Но что в парке в это время делал художник? А, догадалась! Рисовал пейзажи.

– Вовсе нет! – снова засмеялась Вера. – Он там продавал картины. У художников в этом парке есть небольшой пятачок, где они устраивают выставки-продажи своих картин.

– А он что, там недавно появился? – спросила Клава.

– Кто? Пятачок?

– Да нет! Твой художник.

– Я не знаю, – растерялась Вера, она только сейчас поняла, что до вчерашнего утра не замечала Прилунина, как, впрочем, и других художников, стоящих в парке.

– Понятно, – хмыкнула Клава, – как это на тебя похоже! Ходила столько времени мимо художников, не обращая на них ни малейшего внимания, и вдруг на тебе! Разглядела одного из них и сразу влюбилась!

– Наверное, всё было немного не так, – задумчиво отозвалась Вера.

– А как?

– Я шла на работу в расстроенных чувствах, потому что понятия не имела, как мне быть с Андреем, с его предложением руки и сердца, и сама не заметила, как на что-то налетела. Я бы непременно упала, если бы меня не подхватил кто-то под локоть. Это оказался Эд. А потом я увидела его картину с улетающими в тёплые края ласточками. И вот в

эту картину я влюбилась с первого взгляда!

– И он тебе её подарил?

Вера задумалась, потом сказала:

– Сначала я захотела её купить. А Эд сказал, что она не продаётся. Я огорчилась и стала упорствовать. Тут-то он...

– Подловил тебя на живца, – сказала Клавдия так тихо, что Вера еле расслышала.

И всё-таки она услышала и обиделась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.